

Федор Сологуб. Сказка гробовщицовой дочери

Оригинал находится здесь: [Сайт "Федор Сологуб"](#)

Нет ничего странного в том, что молодой чиновник Леонтий Васильевич Ельницкий влюбился в молодую мещанскую девушку Зою Ильину. Она же была девица образованная и благовоспитанная, кончила гимназию, знала английский язык, читала книги, и давала уроки. И, кроме того, была очаровательна. По крайней мере, для Ельницкого.

Он охотно посещал ее, и скоро привык к тому, что вначале тягостно действовало на его нервы. Скоро он даже утешился соображением, что как никак, а все же Гавриил Кириллович Ильин, Зоин отец, был первым в этом городе мастером своего дела.

Гавриил Кириллович говорил:

– Дело мое не какое-нибудь эфемерное. Это вам не поэзия с географией. Без моего товара и один человек не обойдется. И притом же дело мое совершенно – чистое. Гроб не пахнет, и воздух от него в квартире крепкий и здоровый.

Зоя часто сидела в складочной комнате, где хранились заготовленные на всякий случай гробы. Одета пестро и нарядно, – у отца много оставалось атласа, парчи и газета, – и даже со вкусом, Зоя часто звала туда и своего друга.

– Пойдемте в складочную, Леонтий Васильевич, – говорила она, – там тепло и сухо, и там хочется говорить сказки. Там каждая доска пахнет вымыслом.

Они шли в складочную. Там Зоя рассказывала Леонтию Васильевичу вычитанные из книг истории и сказки, очень сильно изменяя, и дополняя их своими вымыслами. Ельницкий сначала неловко поеживался, и хмуро поглядывал крутом, а потом принимался развивать перед Зоею свои взгляды.

Порою Зоин отец приходил сюда, за делом или просто так послушать их разговоры. Если за делом, Зоя и Ельницкий уходили в другие комнаты. Если просто так, они продолжали разговаривать, а он слушал, поглаживая седые длинные усы и весело сверкав синими, как у дочери, все еще молодыми глазами. Кто всмотрится внимательно в эти глаза, тому понятно станет, что они многое видели, и многое привыкли замечать.

Старик и сам сказал однажды Ельницкому, когда они сидели все трое в складочной:

– Я все вижу, я все знаю. Конечно, мелкотой мне, до моей популярности, заниматься не приходится, но что касается почтенных жителей нашего порога, я знаю срок каждому и размер. Как только умер, у меня все готово. Конечно, для видимости прикинешь мерочку, но только, скажу с интимною откровенностью, мог бы и не беспокоить покойника. Только поставить прибор по желанию родственников.

Леонтий Васильевич недоверчиво усмехался, а старик продолжал:

– Видите, здесь сложены гробы разных размеров; длина, ширина, все к кому-нибудь пригнано. Глаз у меня наметанный, а мерка у меня живая.

Зоя слегка покраснела и улыбалась, а Леонтий Васильевич спросил:

– Какая мерка?

Старик объяснил охотно:

– Зою мою вожу в церковь, на гулянье, в театр. Станет рядом с кем надо, а уж мне и видно, какая разница в росте, в ширине. На один сантиметр не ошибусь. Конечно, людей в городе много, есть и совпадения в размерах, и на иную домовину у меня по несколько кандидатов. Списочки веду.

Леонтий Васильевич вспомнил, как на днях Зоя подошла и стала рядом с ним, и старик смотрел на них внимательно. Холодок пробежал по его спине. Он укоризненно посмотрел на Зою. Она отвернулась, и легким движением гибкой руки показала на один из гробов.

– Вот мой размер, – сказала она равнодушно.

– А вам не жутко? – спросить Ельницкий.

– Я ведь здесь выросла, – спокойно ответила она.

Когда Ельницкий уходил в тот вечер домой, ему казалось, что он никогда не перешагнет порога складочной. Но на другой же день Зоя опять повела его туда, и он послушно пошел за нею. Невеселыми глазами он окинул ряд гробов, и спросил, стараясь говорить шутливо: